

23 глава

«Госпожа Фея Живописи, пожалуйста.»

Служанка вышла и представила бамбуковый сверток.

Она понимала и сочувствовала положению Госпожи Феи Живописи, но, кроме того, что она к ней хорошо относилась, она больше ничего не могла сделать. Она была простой жалкой служанкой.

Она тихо вновь сказала: «Госпожа Фея Живописи, пожалуйста.»

Фея Живописи не дала никакого ответа, просто взяла бамбуковые скрутки и развернула их на столе.

Написав строку, она вернула бамбуковую скрутку.

Служанка поклонилась и вышла на возвышенную платформу.

Она прочитала громко, перед залом людей.

«Это чувство, этот взгляд, этот человек.»

Стих в несколько слов, но он задал тему для всех последующих стихотворений, хотя и был довольно расплывчатым.

Это чувство и этот взгляд, это указывает на зиму снаружи. Этот человек несомненно означает Фею Живописи.

Но у всех была своя интерпретация.

За короткий промежуток времени зал наполнился тишиной. Изредка издавался слабый вздох, когда кто-то получал вдохновение.

Гу Нань сидела за тем же столом, что и Чжао Ижэнь, они оба тихо сидели скрестив ноги.

Взяв чашу вина, она мягко открыла окно возле себя. Внутри вошел слабый ветерок внеся с собой небольшой холодок. Хотя она не возражала и небрежно смотрела на улицы и неутрачивающую активность внизу.

Глоток вина развеял любой холодок.

Переведя взгляд в зал, она впервые посмотрела на Чжао Ижэня. Но когда она сделала это, она подумала о двух сотнях золотых за места.

Действительно экстравагантно.

Все глубоко задумались и Чжао Ижэнь кусал свою кисть, был четким свидетельством этого.

Она начала бояться, что она была самым ленивым человеком здесь.

Вздохнув, она поменяла свою позу на более удобную. Прислонившись к окну, она позволила холодному ветерку обдуть ее.

Глядя вниз с высоты, она видела больше обычного. Неподалеку нищий тащил мешок, хромя по снегу.

«Среди богатого запаха вина и еды, на дорогах тем не менее замерзшие кости.»

Она не была уверена, почему она вспомнила это предложение, даже хотя она живет сейчас роскошной жизнью.

Отведя взгляд от нищего, она продолжила пить вино.

Возможно она слишком беззаботная или возможно она сидит среди группы людей серьезно размышляющих, но в любом случае, она слишком заметна.

Фея Живописи, сидящая позади павильона, почувствовала легкий ветерок. Повернув голову, она увидела открытое боковое окно.

Возле окна сидела своеобразная фигура. Хотя он и был одет в высокочеловеческую черную одежду, сидела она довольно свободно и противоречила его статусу.

Этот человек просто здесь сидит и пьет?

Как Фея Живописи, она хорошо знала о сотнях золотых, что нужно, чтобы сидеть здесь. Это не обычная сумма, а достаточная, чтобы человек мог прожить год.

Ее глаза переместились на эту фигуру, и она заметила, что этот мужчина очень прекрасен. Она знала, что это странный термин, чтобы описывать мужчину, тем не менее этот человек определенно подходит под него.

Это прекрасное лицо казалось одновременно и мужским, и женским. В сочетании с этим особым темпераментом, она даже почувствовала какое-то чувство поражения.

Возможно чувствуя чей-то взгляд, «мужчина» развернулся и оглянулся.

Хотя между ними была вуаль, обе стороны чувствовали оценивающий взгляд другой стороны.

Гу Нань была на краю комнаты, она подняла чашку и сделала жест тоста. После она немного глотнула вина.

Допив чашку, она развернулась и продолжила смотреть в окно.

Фея Живописи была удивлена, но улыбнулась.

Для мужчины заметить, но не прожигать глазами, этот человек особенный.

Но, к сожалению, они были слишком далеко друг от друга, и Фея Живописи не могла разглядеть этого интересного человека.

По правде говоря, Гу Нань была довольно сильно взволнована от обмена взглядами. Ее лицо было красным, и она не смела еще раз посмотреть на Фею Живописи.

Только сейчас она поняла насколько может быть притягательным взгляд. Всего несколько секунд взгляда, и она почти потеряла себя в оцепенении.

...

«У Сюэ Цзя есть стихотворение.»

Несколько мгновений спустя маленький слуга встал на платформу и начал читать стих.

«В Сяньян летит зимний снег и серебряные ветки свисают низко. Нет нигде цветов весны, но в Дунчжане есть цветочная грация.»

Это не хороший стих, или по крайней мере не слишком оригинальный.

К сожалению этот человек просто невежественен, гордо стоя с выражением ожидания.

Но даже после долгого ожидания не было никакой реакции от высокого уровня. Так как ему не хватает литературных талантов, он вздохнул и снова сел.

После первого стиха их начали громко зачитывать один за другим.

В общем, они все были намного лучше, чем у первого человека, но Фея Живописи все еще молчала.

Незаметно более половины людей, собравшихся здесь, уже отправили свои стихи.

Чжао Ижэнь все еще не закончил писать. Или возможно лучше будет сказать, что он еще не закончил даже одной строки.

Его рука сжимала кисть, но еще ни одного слова не было написано.

Схватившись за свои беспорядочные волосы, можно было подумать что он падает под гнетом беспокойства.

Он посмотрел на Гу Нянь, сидящую возле него.

«Брат Гу, хааа, это возможно место, где мое обучение самое поверхностное. Я боюсь, что я не смогу увидеть сегодня Фею Живописи. Я действительно не чувствую никакой искры вдохновения. Можешь ли ты мне помочь написать поему?»

«Брат Ижэнь, мы уже договорились что я просто составлю компанию тебе по выпивке. Кроме того, разве я не говорил, что я не умею писать стихи?»

Гу Нянь, на которую в ожидании смотрел Чжао Ижэнь, беспомощно пожала плечами.

«Брат Гу, чтобы я заметил тебя, это означает, что у тебя есть особый талант, ты определенно не необразованный грубиян, которым себя выставляешь. Ты должен прекратить сознательно тормозить себя.» - Чжао Ижэнь указал на Гу Нянь и заключил.

Рот Гу Нянь низко опустился, прежде, чем она покачала головой.

Любовные стихи... должен сработать любой попавшийся.

Некоторое время размышляя, в ее голове всплыл один.

«Я долго стою на балконе под легким бризом,

Куда не посмотрю, везде опечаленная весна, горизонт пасмурный, все уныло.

В окружении травы в закате.

Кто поймет мое безмолвное желание?

Я утонул в вине как в горе расставания.

Пою с вином в руке, но напряжённое веселье не приносит утешения.

Я не против того, что моя одежда становится более свободной.

Любовь достойная желаний, но не сожаления.»

Голос Гу Нань не был ни легким, ни тяжелым, и зал уже был довольно тих, позволяя всем ясно услышать его содержание.

Даже Фея Живописи сидящая вдали смогла услышать это.

Когда стих закончился, его заменило всеобщее молчание.

Это не было похоже на стих. Формат и структура не верные. Это скорее часть музыки.

Формат может быть не верным, но в нем чувствовалось что-то не делимое от стихотворения.

Ни одного слова о зиме, но все равно в сердцах каждого прошелся холодок.

Это был стих о весне, словно автор стоит на балконе и смотрит на легкий ветерок, но передавал такой печальный тон.

Некоторые люди почувствовали себя странно. Это явно зима, но тогда почему говорится о весне?

Но размышляя об этом в павильоне Дунчжань, когда весна не такая? Также, именно весной Фея Живописи появилась в Сяньяне.

Это должно быть удивительное и красивое стихотворение.

Это говорило о печальных мыслях и истощающей преданности.

Это словно услышать давно рассказанную историю.

«Марш Цветочной Весны», «Встреча Прекрасной Женщины» и «Глубокая Любовь». «Один на балконе», «Пей и Пой», «Но Путь» и «Заброшенный во времени».

Гу Нань подумала о нескольких возможностях, но выбрала самый запоминающийся и глубокий. По совпадению получилось так, что это соответствовало общей теме стихов.

Чжао Ижэнь слегка шокировано смотрел на Гу Нань, кисть в его руке была неподвижной.

Только спустя несколько мгновений он опустил свою кисть.

На его лице появилась горькая улыбка: «Брат Гу, почему ты не сказал это ранее? Ты так увлечен Госпожой Феей Живописи.»

«Что?» - Гу Нань озадачено и ошеломленно посмотрела на него, все еще не зная почему он так сказал.

«Этот стих, как он называется?»

Гу Нань подумал о оригинальном названии: «Оно называется Бабочки, влюблённые в цвета.»

«Вот как? Бабочки, влюбленные в цвета?» - пробормотал Чжао Ижэнь и кивнул: «Бабочки, влюбленные в цвета.»

Наконец, он посмотрел на Гу Нань глубоким и решительным взглядом: «Я не могу использовать этот стих, этот стих будет твоим!»

Подожди, что ты имеешь в виду? Гу Нань не ответила.

Спустя несколько мгновений Чжао Ижэнь скатал бамбуковые пластинки.

Он серьезно поднял взгляд и крикнул на платформу: «Госпожа Фея Живописи, этот стих «Бабочки, Влюбленные в Цветы», от этого Молодого Мастера Гу. Пожалуйста, взгляните!»

<http://tl.rulate.ru/book/18587/431486>